

Глава 29. Слухи и всеобщее негодование

Смерть матушки и старые обиды всегда были в семье Е запретной темой. Чтобы сохранить хотя бы видимость мира и согласия, об этом не вспоминали уже много лет.

Раньше, как бы сильно Е Линьфэн ни злился, как бы ни терзался несправедливостью, он всегда понимал: Линьгэ ни в чем не виноват. Он не хотел ранить брата — этого доброго, самоотверженного юношу, который вечно пекся о других. Линьфэн никогда не позволял себе говорить так, как сегодня: не вскрывал старые шрамы и не вываливал всю правду прямо в лицо.

Подобные слова, даже если в них нет прямой злобы, для человека склонного к самобичеванию звучат как приговор. В них слышится неявный, но горький намек: «Само твое существование — моя самая глубокая рана».

Линьфэн не был несправедлив и не хотел зла. В прошлом он оберегал чувства окружающих, но именно поэтому он знал их слабости как свои пять пальцев. Он понимал: если хочешь нанести сокрушительный удар и окончательно разорвать узы, нужно бить по самому больному.

Глядя, как гаснет свет в глазах Линьгэ, как тот замирает в растерянности, Линьфэн едва не дрогнул. Он почти смягчился.

«Но будущий глава семьи Е не может быть таким наивным и беззащитным».

Линьфэн отхлебнул чаю и продолжил:

— Искупление, былая привязанность — всё это ложь. Линьгэ, ты хоть понимаешь, что такое глава рода? И кто он такой?

Атмосфера в комнате мгновенно стала тяжелой. Воздух застыл, сдавливая грудь.

— Брат, не надо... не говори так...

— Имущество семьи Е принадлежит главе, но и всё, что есть у главы, по праву принадлежит семье, — Линьфэн поставил чашку, игнорируя протест брата. — Мне не нужны вещи семьи Е, и я не собираюсь становиться их дойной коровой. А значит, это место мне не нужно. Я отказываюсь.

— Брат, да что с тобой? Кто-то тебе что-то наговорил? Или что-то случилось? — Линьгэ был не на шутку напуган. Перед ним стоял Линьфэн, но его манера речи, его аура... Всё это слишком разительно отличалось от образа того вечного ребенка, за которого он привык его считать.

Определенно что-то произошло. Что-то извне изменило его брата до неузнаваемости.

Линьфэн лишь покачал головой:

— Со мной всё в порядке, и живется мне на воле прекрасно. А что касается Лавки каллиграфии и живописи «Встреча солнца» — я и не собирался скрывать это вечно.

На самом деле он даже надеялся, что его тайный бизнес вскроется в самый неподходящий, самый опасный момент.

— Ты с ума сошел?! — Линьгэ за короткое время пережил столько потрясений, что едва держался на ногах. — Отец тебе ноги переломает!

Линьфэн вскинул голову и смерил брата холодным, пренебрежительным взглядом. Он дерзко усмехнулся.

— Если хватит смелости — пусть попробует. Посмотрим, что переломится первым: мои ноги или его палка!

Он подался вперед, чеканя слова:

— Линьгэ, разве ты сам не мечтал о месте главы? Если хочешь чего-то — бери. Хватит строить из себя бескорыстного святошу, ты не монах, спасающий мир.

Закончив, он резко встал, демонстрируя всем своим видом, что разговор окончен.

— Ступай. У меня есть дела.

Линьгэ буквально выставили за дверь. Линьфэн даже не пошел провожать его — он так и остался стоять спиной к выходу, пока не услышал щелчок замка, запертого заклинанием.

Когда в коридоре воцарилась тишина, оба брата по разные стороны двери на мгновение замерли, невольно оглянувшись. Наконец шаги Линьгэ зазвучали вновь и постепенно стихли вдаль. Только тогда Линьфэн расслабился и молча принялся собирать вещи.

Игрушки из детства, одежда, сшитая матушкой, целая коробка «мусора», который он с жадностью коллекционировал в разные годы: блестящие камешки, безделушки, старые мешочки и шкатулки, с которыми было жаль расставаться... А еще — целая гора серебра, имевшего хождение в мире смертных, и россыпь духовных камней разных рангов для расчетов среди заклинателей.

Запихнув всё добро в самую вместительную Сумку Цянькунь, Линьфэн перевел дух. Осталось лишь пара сменных одеяний на те несколько дней, что он проведет здесь.

Скоро должен был вернуться отец. Линьфэн вышел из комнаты и не спеша прогулялся по саду, погладил пробежавшую мимо кошку и, как бы невзначай, окликнул слугу, чтобы спросить о брате.

— Старший молодой господин, — поклонился тот, — второй молодой господин в спешке уехал верхом. Сказал, чтобы ужинать садились без него.

Линьфэн кивнул, удовлетворенный ответом. Раз Линьгэ, обычно такой покладистый, сорвался с места и улетел прочь, значит, слова достигли цели. Всё шло по плану.

«Линьгэ всё же соображает получше, чем этот главный герой Юэ. Его не нужно изводить бесконечно — одного раза хватило, чтобы он хлопнул дверью».

Стоило ему об этом подумать, как пришла Передача голоса на тысячу ли от Юэ Чэньтаня.

Линьфэн как раз выходил через задние ворота. Сменив облик и спрятав лицо под бамбуковой шляпой с черной вуалью, он собирался заглянуть в свою лавку. Заметив, от кого прислана весть, он тут же посмурнел.

«Этот человек... Ну почему он такой неугомонный? Только пару дней назад виделись в Городе Хуафу, и вот опять...»

Он открыл Передачу голоса на тысячу ли. Послание было предельно лаконичным.

[Юэ Чэньтань: «Занят?»]

Линьфэн лишь закатил глаза.

В первые дни после событий в Лучене Юэ Чэньтань вел себя прилично — не докучал сообщениями и держал дистанцию. Линьфэн даже обрадовался: неужели удалось спровадить этого зануду? Он нарочно отвечал сухо, и Юэ, казалось, принял правила игры.

Тогда Линьфэн был занят в очередном «случайном приключении» и не придавал этому значения. Решил, что наконец-то отвязался.

Но радость была недолгой. словно по какому-то щелчку, Юэ Чэньтань вдруг сменил тактику. Теперь он стал еще навязчивее: слал приветствия утром, днем и вечером, делился всякой ерундой и, если бы Линьфэн его не осаживал, наверняка бы уже несколько раз примчался лично.

Линьфэн долго ломал голову над причинами, пока не пришел к выводу: всему виной те гнусные слухи, что ползли по округе. Очевидно, «благородное и честное сердце» главного героя не выдержало мук совести, и теперь Юэ пытался загладить вину своей чрезмерной заботой.

Это ужасно раздражало.

Пришла еще одна Передача голоса на тысячу ли. К этому моменту Линьфэн уже проскользнул в свою лавку через черный ход.

[Юэ Чэньгань: «Я попросил друга передать тебе кое-какие лекарства. Они должны помочь подавить яд Семи отчаяний. По моим расчетам, он скоро будет на месте».]

Линьфэн замер. «Скоро будет»? Что-то это ему напоминало. Ах да, он сам говорил так же, когда мчался в Лучен.

Линьфэн посмотрел подозрительно. Случайность это или тонкий подвох? Он попытался представить лицо Юэ Чэньганя — вечно серьезное и честное — и засомневался. Нет, вряд ли тот способен на такие интриги. Скорее всего, просто совпадение.

«Ладно, плевать. Кто бы там ни пришел с лекарствами, приму посылку и спроважу».

Вторую половину дня Линьфэн провел в лавке. Подсчитав выручку (теперь это были для него лишь деньги «на карманные расходы»), он отправился на соседнюю улицу — в Квартал ив и цветов. Несмотря на скрывающий лицо доули и черную вуаль, походка его казалась слегка нетвердой, а от одежды пахло вином.

Именно из-за этого хмельного амбре владелец лавки шел медленнее обычного. Он привычно петлял по переулкам, замечая следы, и лишь однажды задержался у нового лотка с украшениями.

Он высунул тонкую изящную руку из широкого рукава. Человек в маске долго перебирал яркие шпильки и подвески, пока не выбрал несколько серебряных с красными вставками. Он велел завернуть их по красивее, как подарок для возлюбленной, и, расплатившись, двинулся дальше.

Только вот «возлюбленная» у него, похоже, была весьма специфической. Человек в шляпе, напевая под нос веселый мотивчик, даже не заметил слежки. Он напрямик направился в «Дом мужских утех» — одно из самых известных заведений квартала.

Преследователь остановился у входа в переулок. Прижимая к груди почтового голубя, он быстро нацарапал записку, привязал её к лапке птицы и, отойдя на открытое место, выпустил ее в небо.

Таинственный владелец лавки не выходил из заведения несколько часов. Шпион устроился в

чайной напротив и терпеливо ждал. Чайник пустел, заварка становилась прозрачной, лицо официанта зеленело от злости на жадного клиента, а сам соглядатай уже едва сдерживался, чтобы не убежать по нужде, когда у входа в переулок наконец-то показалась знакомая фигура.

На этот раз человек в доули казался совсем пьяным. Он потерял всякую бдительность. Завернув в безлюдный тупик, он небрежно сорвал шляпу с вуалью. Вспышка духовного света — и маскировка спала. Перед шпионом предстал не кто иной, как Е Линьфэн, старший сын семьи Е, годами пропадавший в горах на пути бессмертия.

Увидев его лицо, преследователь ахнул и поспешно скрылся во тьме.

Как только звук шагов затих, шаткая походка Линьфэна мгновенно стала уверенной. Несмотря на сильный запах вина, он смотрел ясно, и он торжествующе улыбался.

Время ужина давно прошло. В Поместье семьи Е всю обсуждали новость о возвращении старшего господина. Был накрыт богатый стол, но виновник торжества так и не явился. Глава семьи, глядя на пустые приборы сыновей, багровел от ярости и осыпал их проклятиями.

Досталось всем. Старшему — за то, что, вернувшись после долгой разлуки, не соизволил поклониться отцу и тётушке, а сразу укатил «гулять». Второму — за то, что исчез, оставив лишь короткую записку, и до сих пор не вернулся, наплевав на правила приличия и уважение к брату.

Когда Линьфэн подходил к дому, его перехватил верный слуга.

— Молодой господин, берегитесь! Старый хозяин вне себя, лучше вам сейчас не попадаться ему на глаза.

— О? — Он прищурился. — И с чего бы это он злится?

Слуга посмотрел на него с сочувствием: сколько же надо было выпить, чтобы спрашивать о таком?

— Как же не злиться, господин? Вы дома первый день, а ни поклона, ни здравицы. Пропустили семейный ужин, заставили всех ждать...

— Значит, он еще недостаточно разозлился, — вполголоса произнес Линьфэн с непонятной усмешкой. У слуги голова пошла кругом.

— Господин, не гневите вы отца. Он ведь так обрадовался, когда узнал, что вы вернулись. А

теперь из-за вас и второго молодого господина даже половину своей порции не съел...

— Если бы он узнал, почему я не пришел к ужину, — Линьфэн заметил приближающиеся шаги и намеренно повысил голос, — он бы и вовсе кусок в горло не втиснул.

Слуга, увидев за спиной хозяина грозную тень, решил, что Линьфэн просто хочет оправдаться. «Неужели были веские причины?» — с надеждой подумал он.

— Что, — раздался за спиной тяжелый голос, — неужели ты думаешь, что я бы перестал сердиться?

Линьфэн плавно обернулся и улыбнулся отцу:

— Нет, отец. Вы бы просто сразу наелись одним лишь гневом. Тут уж не до ужина.

<http://bllate.org/book/17497/1713838>